

С. А. Бельская

**ДВА ПОЭТА, ДВА ХУДОЖНИКА, ДВА ДРУГА.
НОВЫЕ ДАННЫЕ ТВОРЧЕСКИХ БИОГРАФИЙ
В.В. ДЕРЖАВИНА И В.Н. МАСЛОВА**

Статья посвящена двум представителям одного поколения — поэту и переводчику Владимиру Васильевичу Державину и художнику Василию Николаевичу Маслову. На рубеже 1920–1930-х гг., при содействии А. М. Горького, молодые люди оказались в Болшевской трудовой коммуне, где обрели возможности для творческого развития и взаимную дружбу. Однако трагический финал коммуны навсегда развел их в 1937 г. Жизнь Маслова оборвалась на Бутовском полигоне 2 января 1938 г., а процесс возвращения его имени в пространство истории и культуры, начатый Ольгой Ройтенберг, продолжается по сей день. Судьба Державина сложилась удачно: он реализовал себя как переводчик и оставил поэтическое наследие, которое изучается литературоведом И. Е. Лоциловым. Однако и в творческой биографии Державина есть лакуны. Данный материал призван ввести в научный оборот стихотворения Владимира Державина, написанные к 10-летию коммуны и опубликованные в малотиражном издании в 1935 г., а также осветить неизвестные ранее факты о поэтических опытах Василия Маслова.

Ключевые слова: литература XX века, изобразительное искусство XX века, Болшевская трудовая коммуна, Владимир Васильевич Державин, Василий Николаевич Маслов.

S. A. Belskaya

**TWO POETS, TWO ARTISTS, TWO FRIENDS.
NEW DATA FOR CREATIVE BIOGRAPHIES
V.V. DERZHAVIN AND V.N. MASLOV**

The friendship of the poet and translator Vladimir Derzhavin and the artist Vasily Maslov is at the center of the story. At the turn of the 1920s-1930s, with the assistance of A. M. Gorky, young people ended up in the Bolshevolabor

commune, where they found opportunities for creative development and mutual friendship. However, the tragic ending of the commune forever sundered them in 1937. Maslov's life was cut short at the Butovo training ground on January 2, 1938, and the process of returning his name to the space of history and culture, begun by art critic Olga Roytenberg, continues to this day. Derzhavin's fate was successful: he realized himself as a translator and left a poetic legacy, which is studied by the literary critic I. E. Loshchilov. However, there are also gaps in Derzhavin's creative biography. This material is intended to introduce into scientific circulation the poems of Vladimir Derzhavin, written for the commune and published in a small edition in 1935, as well as to highlight previously unknown facts about the poetic experiments of Vasily Maslov.

Keywords: literature and visual arts of the 20th century, Bolshevo labor commune, Vladimir Derzhavin, Vasily Maslov.

«Уже при беглом осмотре картин вас поражает буйная стихийная сила красок. Она вас завлекает в какой-то могучий водоворот: стоишь пораженный и удивленный,— откуда все это пришло и навалилось на вас, эта огненная пляска цветов, эта настоящая оргия красок, это буйство декоративного начала?..» (Н.Б. 1935: 4). Так описывал свои впечатления о выставке, проходившей в клубе НКВД летом 1935 г., Николай Бухарин. Главный редактор газеты «Известия» не скупился на эпитеты в адрес бывшего беспризорного, графика и живописца Василия Маслова, называя его настоящим самородком, талантом, дарованием и предрекая ему большое будущее.

Но уже меньше чем через два года после публикации этой рецензии состоялась последняя прижизненная выставка художника. Она прошла в Горьковском художественном музее с 18 февраля по 15 марта 1937 г., после чего все работы (47 картин, 74 графических листа) были закуплены музеем для пополнения коллекции советского искусства. Через четыре месяца после закрытия выставки Василий Маслов был арестован, обвинен в связи с врагами народа (в числе которых был и упомянутый рецензент) и контрреволюционной деятельности, а 2 января 1938 г. расстрелян на Бутовском полигоне.

Трагический финал жизни художника predetermined «затворническую» судьбу его наследия. «Все его произведения, оставшиеся в музее, более полувека находятся “под семью замками”. Многократные попытки их увидеть с 1979 года наталкиваются на категорическое “нельзя”», — писала Ольга Ройтенберг в комментариях к биографической справке о Маслове, опубликованной в книге «Неужели кто-то вспомнил, что мы были?» (Ройтенберг 2008: 503).

Однако то, что в силу объективных причин не удалось сделать О. Ройтенберг, удалось, чуть позже, молодому искусствоведу Марине Киселевой. Биография и творческое наследие Маслова стали темой ее дипломной работы, выполненной в 1990–1991 гг. под руководством кандидата искусствоведения Н. С. Кутейниковой.

В ходе исследования Киселева разыскала людей, составлявших окружение художника в 1920–1930-х гг., изучила документы Центрального государственного архива литературы и искусства (ныне — РГАЛИ), архива Горьковской области, семейного архива Масловых. Благодаря собранным материалам искусствовед установила полное имя и год рождения забытого художника, воссоздала историю его жизни, атрибутировала часть работ, хранящихся в Нижегородском музее, провела их искусствоведческий анализ.

Фрагменты текста дипломной работы «В. Н. Маслов (1905–1937): к истории художественной жизни страны конца 1920–1930-х годов» были воспроизведены М. И. Киселевой в 1994 г. в литературном историко-краеведческом альманахе «Болшево» в статье «Возвращение» (Болшево 1994: 104–111) и в дальнейшем использовались в разных публикациях.

Второй герой повествования хорошо известен в профессиональной литературной среде как мастер художественного перевода и автор оригинальных поэтических текстов. Владимир Васильевич Державин писал стихи с юности, переводил — со второй половины 1930-х и до конца жизни (1975). Наибольшую известность получили державинские переводы восточной поэзии и национальных эпосов народов СССР, поэма «Первоначальное накопление».

Разные судьбы, разные по протяженности жизни... Но все же был один «перекресток», где два пути пересеклись: на рубеже

1920–1930-х гг. Владимир Державин и Василий Маслов оказались в Болшевской трудовой коммуне (1924–1939) — уникальном учреждении по перевоспитанию правонарушителей на основе свободы, труда и самоуправления.

Для Державина болшевский опыт стал определенной вехой творчества, для Маслова — сыграл фатальную роль. Но в обоих случаях (в той или иной степени) связь с коммуной послужила причиной наличия «белых пятен» в биографиях.

Цель нашей статьи — дополнение жизнеописаний Владимира Державина и Василия Маслова сведениями, найденными ее автором в ходе исследовательской работы по истории Болшевской трудовой коммуны. Это некоторые детали, отсутствующие в опубликованных биографических материалах. Для лучшего восприятия они даются в хронологическом порядке, с привязкой к уже описанным фактам.

М. И. Киселевой установлено, что Василий Маслов родился в 1905 г.¹ в поселке Верхняя Синячиха Алапаевского района Свердловской области. После смерти матери юноша ушел из дома, бродяжничал, на хлеб зарабатывал рисованием моментальных портретов и пейзажей, в период с 1925 по 1929 г. учился в художественных заведениях Нижнего Новгорода, Баку и Москвы.

Теперь географию городов, в которых довелось пожить Маслову во время скитальческой жизни, можно расширить благодаря мемуарам народного художника РСФСР Валентина Курдова.

В 1923 г. известный в будущем иллюстратор приехал в Петроград для поступления во ВХУТЕИИ. «Беспризорного Васю Маслова из Алапаевска» он упоминает в числе обитателей «квартиры на Литейном <...> когда-то принадлежавшей художнику Маковскому», которая стала первым кровом для Курдова в северной столице. В одной большой комнате проживали абитуриенты и молодежь, тяготевавшая к кругу художников, среди которых были «уральцы, самарцы, саратовцы и пензяки» (Курдов 1994: 17).

Среди завсегдаев комнаты-общежития, с «большим, на крестовинах, дощатым столом» посередине, автор мемуаров называет студентов Юрия Васнецова и Евгения Чарушина.

Пока не удалось установить, как долго жил Василий Маслов в Петрограде (с 26 января 1924 г. — Ленинграде), учился ли он во ВХУТЕИНе. Однако воспоминания Курдова, наполненные множеством деталей об образе жизни и быте молодежи, «варившейся» в художественной среде северной столицы, расширяют представление о том, в каких условиях и каком окружении формировалась личность Василия Маслова.

Аргументом в пользу того, что он все-таки какое-то время поучился во ВХУТЕИНе служит тот факт, что в 1925 г. бывший беспризорный был принят сразу на второй курс Государственной высшей школы в Баку. Здесь он обучался недолго. В 1926–1927 гг. — Маслов уже в Нижегородском художественном техникуме, а в 1927–1929 гг. — во ВХУТЕМАСе (1927–1929).

К этому московскому периоду жизни молодой художник уже хорошо известен в профессиональной среде: его работы публикуются в крупных изданиях. Так, рисунки Маслова были обнаружены автором статьи на страницах журналов «Прожектор» (1928, № 17) и «30 дней» (1928, № 8).

Не позднее 1929 г., по общепринятой версии — при личном участии А. М. Горького, Маслов оказывается в Болшевской трудовой коммуне.

Рубеж 1920–1930-х гг. был самым динамичным периодом в истории учреждения: строились производственные корпуса и стадион, закладывались жилые и общественные здания; быстро росла численность воспитанников (в основном за счет правонарушителей из Соловецкого лагеря и других мест заключения). К этому времени стало понятно, что коммуна — это «всерьез и надолго», поэтому требовались люди, которые не только работали бы на фабриках, но и поднимали бы общий культурный уровень коммунаров. Для этого в качестве педагогов в Болшево приглашались люди искусства и литературы. Здесь же предлагали жилье и возможности творческого роста талантливым молодым людям, которые нуждались в поддержке.

Маслов же жаждал свободы самовыражения. И в коммуне он ее получает. В первом капитальном жилом здании, известном как

«Дом Стройбюро», художник создает монументальную композицию на тему индустриализации, расписывает стены фабрики-кухни.

Одна из росписей «Дома Стройбюро» публикуется в «местном» производственно-бытовом журнале «За коммуны» (1931, № 4/5).

В это же время, осенью 1931 г., при содействии А. В. Луначарского и А. М. Горького в коммуны попадает Владимир Державин.

Будущий поэт и переводчик родился в 1908 г. в семье земского врача, ранние годы провел в городе Кологриве. В детстве много читал и посещал художественную студию под руководством Ефима Честнякова, в 1925 г. поступил во ВХУТЕМАС на факультет живописи, занимался у Р. Фалька и А. Древина, писал стихи (публиковался с 1928 г.).

В коммуне Державин продолжает писать и раскрывается как талантливый карикатурист. Его рисунки печатаются в журнале «За коммуны», многотиражке «Коммунар» и книге «Болшевы» (1936). Большинство из них сохранились в фоторепродукциях. Подлинников на сегодняшний день известно всего два. Оба хранятся в фондах Музейного объединения города Королёва. И на обоих изображен друг автора, художник-коммунар Василий Маслов.

Первый рисунок выполнен в феврале 1932 г., через 3–5 месяцев после того, как Державин оказался в Болшеве.

Хорошие отношения между молодыми людьми сложились, судя по всему, быстро (вероятно, Маслов и Державин встречались раньше). Во всяком случае, уже в этой работе чувствуется обоюдное (автора и «героя») дружеское расположение. Вероятно, и рисовал товарища Державин во время непринужденной беседы.

Маслов тоже сделал портрет друга в карандаше. Он хранится в собрании Нижегородского художественного музея, атрибутирован М. Киселевой на основании иконографических данных.

Державин с Масловым входили в литературную группу коммуны и вместе занимались в изостудии: «друзья говорили на темы, близкие им обоим» и «увлеченно декламировали стихи...» (Киселева 1991: 10).

О литературных пристрастиях молодых людей можно судить по воспоминаниям, которыми поделились с М. Киселевой в начале 1990-х гг. вдова Василия Маслова Муза Ивановна (урожд. Семеко)

и бывший коммунары Болшевской трудовой коммуны И. И. Дронкин. Благодаря им известно, например, что Маслов «обладал феноменальной памятью» и «изумительно читал Есенина» (Киселева 1991: 6), что в домашней библиотеке художника была поэма Бориса Пастернака «1905 год», а в его мастерской, завсегдаем которой был Державин, часто звучали стихи Н. Асеева: «Что ж это, что ж это, что ж это за песнь?! // Голову на руки белые свесь. // Тихие гитары, стыньте, дрожа: // Синие гусары под снегом лежат!» (Там же: 11).

По воспоминаниям современников, литературные вкусы Маслова «во многом складывались под влиянием Державина, выделявшегося среди большевцев образованностью и интеллигентностью» (Там же: 10). Хотя, например, «читать Есенина» было вполне естественным в творческой молодежной среде 1920-х гг. Его стихи буквально витали в воздухе и неизбежно оказывали влияние на творчество молодых поэтов.

Чувствуется влияние лирики Есенина и, в общем, лирики 1920-х гг. и в стихотворении Василия Маслова «Бездомье» — единственном известном на сегодня произведении, по которому мы можем судить о поэтических опытах художника. Стихотворение (с авторскими иллюстрациями) было опубликовано в 1931 г. в журнале «За коммуну» (№ 4/5):

Потухают огни,
город спит набекрень,
Переулком крадётся,
в рябинах —
Хруст ветвей.
Силуэтом ощерилась темень
В глянцеvidный рубин магазина.
Не по нашей вине
В грузлой темени мрак —
Не по нашим
ухватка в рыле.
С поножовщиной улиц —
Сквер облыс и обмяк

В миллионных отсветах бутылки.
«Умолкли трамваи,
Затухнуло всё.
Отшугнули столбы густо тени,
Нарушают покой одиночных ментов
Подгулявшие в мути голени.
Черствелое сердце
прожечь хочет темень,
Ищет место ночлега в уютах,
бредит лаской огней,
А холодный кистень
прознобил мертвецов по каютам.
<...>
Хлопья сыплют в глаза
осыпают кусты, —
Я ж звеню
о гранит холоделый.
Лёг в будке утихшей,
пою фонарю
«убаюкай меня в колыбели,
почернелым гробам
ты скажи, что я сплю.
Но боюсь, жуть снующей метели
(Маслов 1931: 40–42).

Мы видим, что автор экспериментирует с ритмом и лексикой; стремясь донести до читателей суровую правду жизни — вводит просторечные, довольно грубые слова-образы.

И тематически и по характеру выражения стих соотносится с графикой автора. «Совпадение литературного и графического автопортретов Маслова» отмечала и М. Киселева: «Таково мироощущение художника, стоящего на грани небытия, сознающего свою отъединенность от мира» (Киселева 1991: 12). Интересно, что такой вывод она сделала по сохранившимся образцам эпистолярного наследия Маслова — письмам невесте, а затем — жене Музе

Ивановне Семяко, так как с поэтическим творчеством Маслова искусствовед не была знакома.

М. Киселева очень деликатно, обходя личные моменты, не нарушая границ, цитируя лишь небольшие фрагменты, проанализировала содержание писем, адресованных Музе Ивановне: «Кажется, “плещет через край” неукротимый темперамент автора. Завершаются послания неизменным “твой Васятка”. Так же, как неизменно поэтическое, исполненное восхищения обращение “Музыка!”. Иногда письма уподобляются историко-литературным трактатам. <...> Не зная преград, мысли свободно изливаются на бумагу, все подчинено мгновенному движению души» (Киселева 1991: 6).

О проблемах взаимоотношения художника и зрителя, личности и общества, о миссии творческого человека и трагедийной предначертанности его судьбы размышляет Маслов. Поднимаясь над повседневностью, он мыслит масштабными историческими категориями. <...> «Музыка! Век наш силен, и люди, творящие историю, тоже сильны... Нежная лирика умерла... В жизни — новые люди с горячей лихвой событий, с безумием, буйным безумием. Потому что Революция Эпична, Катастрофична, а осыпающиеся семена, сжатые в осени, сохнут в элеваторах безвременья. Люди и люди — многословие человечества — океан противоречий... Для кого же жить? Для себя — неинтересно, для будущего одиночества — тем более... Куда же деться, куда...» (Там же: 12).

Маслов-прозаик предстает перед читателями и в книге Светланы Гладыш «Дети большой беды», посвященной трудовым коммунам ОГПУ, где опубликованы удивительно непосредственные письма шефу Болшевской трудкоммуны Г. Г. Ягоде. И снова — рядом с бытовыми, повседневными делами (автор пишет о недостатке красок, конфликтах в коллективе, просит о командировке) — мечты о дворце культуры и рассуждения о задачах искусства: «А кто мы. — Да Братия ищущая в палитре — золотозвонные вермильоны рябин — оправляющие металлургию мысли розсыпью словесного зарева... Вот кто мы» (Гладыш 2004: 99).

Изобразительного искусства в текстах Маслова больше, чем собственно литературы, причем, изобразительного искусства в двух

видах — графики и живописи — в ней он был настолько органичен, что и «говорить» пытался красками. Именно это почувствовал и отобразил в своей рецензии Николай Бухарин в 1935 г.: «Вы видите, что художник думает в красках, что их музыка — самая для него родная стихия, что художник захлебывается в своей собственной живописной энергии...» (Н.Б. 1935: 4).

Маслов пытается привнести в речь художественные приемы, не свойственные литературе. Мы видим и читаем слова, по сути же — это штрихи и мазки... Но у живописи и графики — другой набор выразительных средств, нежели у литературы. Привести их в вербальный язык сложно, поэтому эти тексты рожают определенные эмоции, но удержать в памяти эти потоки художественной мысли — сложно. Как литератор Маслов, несомненно, уступает себе как живописцу и графику. Тем не менее современники художника видели в нем и поэта. Б. С. Утевский (в 1924–1934 гг. — старший инспектор-консультант Главного управления местами заключения НКВД и НКЮ РСФСР, в 1934–1935 гг. — прокурор отдела Прокуратуры СССР) в книге «Воспоминания юриста» отмечал, что Маслов «не только поэт, но и талантливый художник» (Утевский 1989: 261). Любопытно, что мемуарист написал о Маслове как о поэте в первую очередь, и только во вторую — как о художнике. Из книги Утевского узнаем интересный факт: не позже 1933 г. Маслов написал поэму в стихах «Разговор Николая Васильевича с Василием Николаевичем».

Поиски указанного произведения в печати пока не дали результата. Из воспоминаний Утевского о поэме известно лишь то, что посвящена она Н. В. Гоголю, а описанный «разговор» происходил у памятника писателю.

Владимир Державин хорошо знал Маслова и был свидетелем его «проб пера». С тонким юмором он изобразил друга в самом известном своем произведении, исполненном в жанре карикатуры — «Толстой в коммуне», опубликованном в книге «Болшевы».

Рисунок изображает застолье, устроенное в честь приезда Алексея Толстого. На переднем плане — грузная фигура писателя. На столе — «золотые» папиросы, тарелка с яствами; на Толстом —

пиджак модной в те годы расцветки — в клетку. Напротив — коммунар Алексей Погодин «отдает честь» писателю, рядом расположился управляющий коммуной Сергей Петрович Богословский. Через весь стол тянется к тарелке Алексея Толстого Василий Маслов: вот-вот отнимет «хлеб» у писателя.

Обращает на себя внимание одежда художника: рубашка — точно такой же расцветки как у Толстого пиджак. Так Державин с одной стороны отметил писательские амбиции друга, с другой — личные качества художника. И. Дронкин вспоминал: «Он был самоуверен, независим. Часто исчезал из коммуны, неожиданно появлялся, хвастался знакомством с “высшим миром”» (Киселева 1991: 6).

Несмотря на вовлеченность в жизнь коммуны, Владимир Державин и Василий Маслов держались несколько особняком, в стороне, и даже — несколько над остальными, что читается в поздравительных словах Державина в честь десятилетия коммуны:

В свою очередь и мы: Маслов и я являемся показателями того, что коммуна вступила в новую, высшую фазу своего роста, что коммуна становится все более богатым, сложным и многогранным организмом, что у нее теперь есть не только свои мастера цехов, инженеры и директора предприятий, а даже свои, ею воспитанные, поэты и художники (Державин 1935/3: 5).

В праздничном номере газеты «Коммунар» Державин опубликовал стихотворение под названием «Правда класса» (публикуется впервые после 1935 г.):

Кипящих лип, раскинув ворот,
В заздравном говоре аллея
Наш необыкновенный город
Вступает в славный юбилей.
Он к формам высших усложнений,
Какие видим в нём сейчас,
Шёл сквозь трудов и сквозь кипенья,
В добротный ствол, срастивший нас.
Листву раскрыв, подобно перьям

Крыла, он словно клён парит
И всем оправданным доверьем
О правде класса говорит
(Державин 1935/2: 5).

Сложнее по ритму и содержанию еще одно стихотворение, приуроченное к юбилею коммуну и посвященное ее организатору — «О Погребинском» (не публиковалось с 1935 г.):

Коричневый, как будто бы от зноя
Упрямый лоб. Широкие виски
Покрыты густо свежей сединою,
Какой не щеголяют старики,
Сев резаться за стол со мною, время
С размаху, как игральной картой, им
Хлестнуло козырям, ломая темя,
Мне кем-то в детстве сданным, не моим.
Топор, весы поднявши в утомленных
Руках, клубясь как вьюга в вышине,
Столетия с желтой пылью на знаменах
Слетались на судилище ко мне.
И юность и любовь из темной шири,
Вся жизнь моя со дна родных лесов
Вставала вдруг. И двухпудовой гирей
С цепей сшибала чашку у весов.
...Я не видал, кто карты тасовал мне,
Кидаясь в драку сослепу, с плеча.
И если жизнь была лишь сукновальной,
то я тогда не знал в лицо ткача.
Вокруг нас ходит молодой и крепкий,
Довольный этой встречей с тобой,
народ обжига твоего и лепки
В нем затвердел, как в глине, оттиск твой.
Вокруг нас непечатый и просторный
Мир фонари несет в метельный дым.

Для нужд его ты был кирпичной формой,
Сколоченною будущим самим
(Державин 1935/1: 15).

В 1936 г. вышел единственный прижизненный сборник лирики Державина. Стихотворения, посвященные коммуне («Правда класса», «О Погребинском») в него не вошли и, по понятным причинам, не публиковались после ликвидации коммуны. Еще в Болшеве Державин серьезно увлекается художественным переводом, в котором находит свое призвание. Как карикатурист он публикуется до конца 1936 г. Символично, что и последним его известным произведением в этом жанре стал шарж на Василия Маслова (подлинник хранится в фондах Музейного объединения г. Королёва).

Державин изобразил друга в профиль, с малярной кистью в руке на фоне портрета мужчины. Чей портрет — понятно не сразу. Только после прочтения надписи на рисунке «Ты сохранил мой дивный профиль. Благодарю! Тебе твой лик, о Мефистофель, взамен дарю!», становится ясно, что на заднем плане сам Державин, а Мефистофелем, то есть насмешником, он называет Василия Маслова.

Вероятно, между друзьями состоялась своеобразная переписка — обмен шаржами, и рисунок Державина послужил ответом на масловский шарж.

Указанная работа В. Державина датируется 8 декабря 1936 г. Эта же дата, только 1937 г., фигурирует в деле Маслова как дата ареста... Вторая.

Впервые художник был задержан 19 июля 1937 г. по обвинению в личных связях с врагами народа. Но с началом массовых арестов в коммуне (с конца осени) художнику оформляют новое дело — уже по обвинению в контрреволюционной деятельности, а следовательно, формально организуют и новый арест (на самом деле все это время он находился в заключении).

Василий Маслов был расстрелян на Бутовском полигоне 2 января 1938 г. в числе других коммунаров и служащих коммуны (сотни рядовых членов были отправлены в лагеря).

Владимир Васильевич Державин умер от онкологического заболевания на 67 году жизни. О том, как он пережил крах Болшевской трудовой коммуны и арест друга, ничего не известно. В общем, биографии В. Н. Маслова и В. В. Державина еще недостаточно изучены и нуждаются в архивных и библиографических изысканиях, которые могут привести еще не к одному открытию, что и показали события последних лет.

Так, настоящим чудом стало обретение в 2010 г. Королёвским историческим музеем двух шаржей Владимира Державина и коллекции графики Василия Маслова (92 рисунка), несколько десятилетий хранившихся «в большой потертой папке» в доме дочери художника Натальи Васильевны Масловой.

Нельзя не удивиться тому, что старая папка вообще сохранилась: она пережила Великую Отечественную войну в квартире, покинутой хозяевами, когда всё, что могло гореть, сжигалось в городских буржуйках. Масловы, вернувшись в Болшево из эвакуации, не нашли многих своих вещей, книги были без обложек, но папка с рисунками находилась на месте... (Миронова 2010: 9).

Впоследствии произведения Маслова (а также два шаржа Державина) вместе со своими владельцами сменили не один дом. Поворотным в их судьбе стал 2009 г., когда во время подготовки биографической справочной статьи о В. Н. Маслове для сайта «Гео-Королёв» на старую папку в домашнем архиве дочери художника обратила внимание журналист Мария Миронова. По ее предложению Наталья Васильевна Маслова передала работы в музей. Так Королёв стал обладателем уникальных произведений изобразительного искусства 1920–1930-х гг., в т.ч. крупнейшей коллекции графики В. Н. Маслова и единственных, сохранившихся в подлинниках, рисунков В. В. Державина.

Примечания

¹ Дата рождения В. Н. Маслова в разных документах отличается: 1905 и 1906. Так, в опросном листе, хранящемся в Фонде учреждений

РГАЛИ, в частности «Вхутеин/Вхутемас», рукой Маслова написано: «Год рождения 1906, 28 февраля» (РГАЛИ. Ф. 681. Оп. 1. Ед. хр. 1566. Л. 7). 1906 год указан также в «Анкете арестованного» из следственного дела Маслова, хранящегося в ГА РФе, причем анкета заполнена собственноручно Масловым (см.: ГА РФ. Ф. 10035. Д. П-62728. Л. 5) (примеч. от сост. сб.— Э.Ш.).

Литература

Болшево 1994 — Болшево: Литературный историко-краеведческий альманах. 1994. Вып. 3. 175 с.

Гладыш 2004 — *Гладыш, С.* Дети большой беды. М.: Звонница-МГ, 2004. 432 с.

Державин 1935/1 — *Державин, В.* О Погребинском // Коммунар: шестидневная газета 1-й Трудовой коммуны им. Г. Г. Ягода и 2-й Трудовой коммуны НКВД. 1935. 12 июня. С. 15.

Державин 1935/2 — *Державин, В.* Правда класса // Коммунар: шестидневная газета 1-й Трудовой коммуны им. Г. Г. Ягода и 2-й Трудовой коммуны НКВД. 1935. 22 июня. С. 5.

Державин 1935/3 — *Державин, В.* Я выбрал этот путь // Коммунар: шестидневная газета 1-й Трудовой коммуны им. Г. Г. Ягода и 2-й Трудовой коммуны НКВД. 1935. 30 июня. С. 5.

Киселева 1991 — *Киселева, М.И.* В. Н. Маслов (1905–1937): К истории художественной жизни страны конца 1920–1930-х гг.: Дипломная работа [рукопись]. Ордена Ленина Академия художеств СССР, Ордена Трудового Красного Знамени Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Кафедра истории русского и советского искусства. Л., 1990/91.

Курдов 1994 — *Курдов, В. И.* Памятные дни и годы: записки художника. СПб.: Арсис, 1994. 238 с.

Миронова 2010 — *Миронова, М.* В старой папке забытых шедевров // Калининградская правда. 2010. № 25. 11 марта. С. 9.

Маслов 1931 — *Маслов.* Бездомье // За коммуны: производственно-трудовой журнал Трудовой коммуны ОГПУ № 1. 1931. № 4/5.

Н.Б. 1935 — *Н.Б.* [Николай Бухарин]. Большое дарование: о выставке картин худ. Маслова // Известия. 1935. № 136. 11 июня. С. 4.

Ройтенберг 2008 — *Ройтенберг, О.* Неужели кто-то вспомнил, что мы были...: из истории художественной жизни 1925–1935. М.: Галарт, 2008. 560 с.

Утевский 1989 — *Утевский, Б. С.* Воспоминания юриста: из неопубликованного. М.: Юридическая литература, 1989. 303 с.